

Подтверждением этой версии служит эпиграфика Боспорского государства. Официальные надписи составлены по определенной формуле или схеме [9, с. 193]. Можно выделить строго фиксированный порядок расположения отдельных элементов вотивных надписей. Надпись начинается формулой приветствия, затем идет эпонимная дата, включающая имя и титул правящего царя, и далее следует мотивировочная часть, где указывается причина издания акта [13, с. 354–355]. Логично было бы предположить, что это непосредственное свидетельство о деятельности секретарей.

В начале I в. н.э. Аспург адресовал свои рескрипты чиновникам из Горгиипии – Панталеоу и Феангелу [1, с. 198]. В надписи их должности не обозначены, но С. Ю. Сапрыкин предполагает, что один из них был начальником города Горгиипии [10, с. 77]. На основе наших размышлений можно осторожно предположить, что помощником начальника города был магистрат в ранге секретаря.

Таким образом, можно совершенно уверенно говорить о существовании на Боспоре целого штата секретарей, причем в строгой иерархии. Высшая должность – главный секретарь, один из приближенных и пользовавшихся особым доверием царя чиновник. В структуре царского двора действовали и другие секретари, например, Менестрат, сын Менестрата, вероятно, отвечавшие за политику в различных сферах жизни общества. Чиновники такого ранга осуществляли свою деятельность и на «областном» уровне. Скорее всего, секретари были в штате у наместников Феодосии, Горгиипии, у начальников аспургиан и Острова, у пресбевтов Фанагории и Танаиса. Основная функция этих магистратов – подготовка и оформление издаваемых постановлений, и, в некоторых случаях, секретари могли быть основными советниками своих начальников. Все официальные документы Боспорского государства составлены по строгой схеме, что говорит о непосредственной деятельности секретарей.

Институт секретаря – чисто греческий элемент управления государством, а наличие этого магистрата в перечне высших боспорских должностей в 70-х гг. III в. н.э. говорит о том, что даже при сильной ассимиляции населения царства варварами Боспор все-таки оставался эллинистическим государством с типичной системой управления и устоявшимися греческими духовными ценностями.

Литература

1. Блатская Т. В. Рескрипты царя Аспурга / Т. В. Блатская // СА. – 1965. – № 2. – С. 197-209.
2. Габелко О. Л. История Вифинского царства / О. Л. Габелко. – СПб, 2005.
3. Климов О. Ю. Политическая система эллинистических государств: власть в условиях империализма / О. Ю. Климов // Мнемон. – 2007. – Вып. 6. – С. 77-88;
4. Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве / К. М. Колобова // ВДИ. – 1953. – № 4. – С. 47-71.

5. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии / Ю. К. Колосовская // ВДИ. – 1988. – № 4. – С. 20-38.
6. Петрова Э. Б. Менестрат и Сог (к вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н.э.) / Э. Б. Петрова // БИ. – 2001. – Вып. 1. – С. 41-54.
7. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане / С. Ю. Сапрыкин // СА. – 1985. – № 2. – С. 65-78.
8. Сапрыкин С. Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве / С. Ю. Сапрыкин // Эллинизм: восток и запад. – М., 1992. – С. 85-114.
9. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Греческие надписи с мыса Зюк / С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников // ДБ. – 1999. – № 2. – С. 193-203.
10. Сапрыкин С. Ю., Федосеев, Н. Ф. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма / С. Ю. Сапрыкин, Н. Ф. Федосеев // ВДИ. – 2008. – № 4. – С. 64-80.
11. Сидоренко В. А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV в. н.э. (по материалам эпиграфики) / В. А. Сидоренко // БИ. – 2001. – Вып. 1. – С. 137-146.
12. Сизов С. К. Секретари в федерациях эллинистической Греции / С. К. Сизов // Из истории античного общества. – 1999. – Вып. 6. – С. 112-135.
13. Смирнова Н. В. Наместники Горгиипии / Н. В. Смирнова // ДБ. – 2001. – № 4. – С. 350-368.
14. Шепко Л. Г. О территориально-административной структуре Боспорского царства в первые века н.э. / Л. Г. Шепко // Из истории древнего мира и средних веков. – М., 1988. – С. 52-58.
15. Sahin S. Katalog der antiken inschriften des Musems von Iznik (Nikaia). – Bonn, 1979-1987, Т. II.

© Грингоф С.

Богатство в структуре моральных ценностей древних греков классического периода по данным аттической трагедии

Дюкарев Владимир

Дюкарев Володимир. Богатство в структурі моральних цінностей давніх греків класичного періоду за даними аттичної трагедії. Перспективним напрямом розвитку історичної науки сьогодні є вивчення етнопсихології і світогляду давніх суспільств, їх ставлення до зовнішнього навколишнього світу і взаємин всередині соціуму. Це пояснюється тим, що саме даний розділ мікроісторії дозволяє нам зрозуміти усвідомлені (суб'єктивні) і

неусвідомлені (об'єктивні) мотиви діяльності історичних осіб, груп і суспільства в цілому, що, у свою чергу, ще на один крок наближає нас до пізнання історичного процесу. *Ключові слова:* багатство, цінності, Аттика, трагедія.

Dyukarev Volodymyr. Wealth in structure of moral values of the ancient Greeks of the classical period on materials of Attic's tragedy. In this research the author investigates one of major moral values of any society as "wealth". On the basis of study of materials of Attic's tragedy, we find out evolution of representations about riches in the Classical period of a history of ancient Greece. If Aeschylus is under influence of traditional aristocratic system of values even, Sophocles and Euripides represent inconsistent judgements on a researched problem. It can testify to an ambiguity of a researched question, than is connected to existence of the several points of view on a problem of "richmen" and their role in a Greek society. *Key words:* wealth, values, Attic's tragedy.

Одним из важнейших структурных компонентов картины мира человека, его мировоззрения является система ценностей. Выступая в качестве инструмента социального регулирования, она является тем промежуточным звеном, которое связывает поведение человека с его важнейшими социальными институтами, идеалами, запросами, интересами и требованиями.

В своей работе А. Я. Гуревич – автор методологии, составившей основу проведенного исследования, рассматривает концепции собственности и богатства как конститутивные элементы модели мира в любом обществе. Эта политико-экономическая категория представляет собой вместе с тем и категорию нравственную, и мировоззренческую: богатство может получать высокую или низкую оценку, его роль в человеческой жизни может пониматься по-разному [3, с. 225].

При обращении к исследуемой категории ранее, на основе анализа её структуры в греческом обществе классического периода по данным исторической традиции, было выяснено, что частное богатство в Афинах состояло из нескольких элементов, в том числе и денежной массы [1, с. 348]. В результате был сделан вывод о значительной степени социальной мобильности и аморфности страты богатых людей, а также некоторой оторванности её от средств производства, что не способствует его интенсификации [4, с. 51]. Для более объективной оценки и дополнения полученных результатов в данной работе мы рассмотрим содержание богатства как аксиологической установки на основе информации аттической трагедии.

Каково же было отношение древних греков к богачам афинского полиса? Необходимо отметить, что в эпоху Гомера и в VI в. до н.э. мощь и влияние родовой верхушки, то есть аристократии, основывалась на

богатстве, полученном от эксплуатации земли и бесправного положения масс земледельцев. Однако с появлением монеты и развитием торговли кроме землевладения, правом на которое обладали лишь свободные граждане, стало цениться богатство в иных формах (особенно к середине IV в. до н.э.), которым обладают новые богачи – метеки – торговцы и ростовщики, на что жалуются в своих произведениях раннегреческие лирики. Видимо, с этим связано появление в одной из речей Демосфена фразы о том, что «богачи – это *αἰκάρι* (непорядочная) публика в целом» (Dem. XLIX, 68) [12, р. 181]. Картер пишет, что столь нелицеприятная характеристика могла относиться исключительно к метекам [11, р. 126], однако именно они составляли большую часть богачей в Афинах. Итак, попробуем уточнить данный тезис на основе литературных источников.

Для начала обратимся к Гесиоду, жизненной установкой которого, по мнению Э. Д. Фролова, являлось «стремление к материальному преуспеянию, стремление к богатству»:

Если к богатству (ρλοῦσιος) в груди твоей сердце стремится, то делай, Как говорю я, свершая работу одну за другой. <...>

Тот меж людьми и блажен и богат (ευδαίμων τε καὶ ὄλβος), кто, всё это усвоив, делает дело, вины за собой пред богами не зная...

(Hes. Works and Days, 381-382, 826-828. Пер. В. В. Вересаева) [8, с. 15]

Данный фрагмент показывает, что и в эпоху деятельности Гесиода стремление к богатству оставалось важным стимулом человеческой деятельности.

Представления эпохи классики мы попробуем изучить на основе данных аттической трагедии. По мнению В. Н. Ярхо, именно трагедия, порождённая афинской демократией и обращённая ко всему коллективу граждан, была по своей природе предназначена для того, чтобы ставить на открытое обсуждение центральные вопросы общественной нравственности [9, с. 8]. Кроме того, театральные представления оказались наиболее действенным средством воспитания граждан, так как в драмах наглядно обосновывались основные нормы поведения и давались ответы на самые актуальные проблемы социально-политической жизни того времени [5, с. 159].

Выходец из знатного землевладельческого рода Эсхил не часто обращается к рассматриваемой проблеме. Он, как представитель умеренно консервативных кругов афинского города-государства, рассматривал богатство как естественный атрибут человека благородного происхождения. К началу V в. до н.э. экономическое положение и влияние аристократической группировки было достаточно велико, и Эсхил не испытывал необходимости обличения «новых богачей», что проявилось в дальнейшем [10, р. 43].

Необходимо отметить, что ни в одном из своих произведений Эсхил для обозначения богатства не использовал наиболее подходящий по своей семантической структуре термин «ρλοῦσιος», обозначающий

собственно богатство, изобилие [13]. В «Персах» Эсхил, не акцентируя специально на этом внимание зрителя, говорит:

Даже среди горестей

Душе дарите радость каждодневную,

Ведь после смерти счастья и в богатстве (ευδαιμόν) нет.

(Aesh. Pers. 841 слл. Пер. Вяч. Иванов)

В данном случае автор, безусловно, обращает внимание слушателей на страх перед смертью и радостью жизни, однако, главным индикатором счастья он называет именно богатство. Ευδαιμόν – в переводе с древнегреческого означает «богатство», «успех», «счастье», «удача» и т.д. Уже само использование данного термина для обозначения исследуемой категории свидетельствует о высокой роли материальных ценностей в период ранней классики в аристократической и имущественной элите древнегреческого социума. Однако ещё интереснее, что ευδαιμόν – это распространенное обозначение цели и смысла жизни человека в Древней Греции [10, р. 85], то есть Эсхил не только не осуждал богатство, но и считал стремление к нему важным для многих смыслом жизни.

Такие представления, свойственные, на наш взгляд, всей аристократической и имущественной элите афинского социума, связаны с тем, что к началу классического периода истории Греции не сформировался ещё сильный и многочисленный класс «новых богачей» – состоятельных метеков, не разрушилась старая аристократическая система ценностей, в которой богатство, наряду с происхождением, являлось необходимым основанием благородности, честности и всех характеристик, присущих αὔτως.

Следующий рассматриваемый нами автор – Софокл – по происхождению также принадлежал к состоятельным кругам и получил прекрасное образование. Однако в отличие от Эсхила отец Софокла был владельцем оружейной мастерской. Несмотря на это, сам автор долгое время принадлежал к влиятельной реакционной земледельческой группировке под руководством Кимона, однако впоследствии примкнул к Периклу, но до конца жизни придерживался лишь умеренно-демократических взглядов [2, с. 129]. На наш взгляд, именно такой неопределённостью социально-политических, а следовательно, и этико-ценностных представлений Софокла обусловлены найденные в его трагедиях противоречия в представлениях о богатстве.

В одной из своих «ранних трагедий» [6, с. 472] Софокл пишет:

И не безумное ли предприятие –

Борьба за власть без денег и друзей?

Тут надобны сторонники и деньги!

(Soph. O. T. 512 слл. Пер. С. Шевринского)

В данном эпизоде власть совершенно очевидно связывается с богатством, без которого невозможно её достижение и осуществление. В этом случае автор продолжает традицию Эсхила, считая богатство одним из важнейших критериев успеха и благополучия человека:

Поистине их счастье (εὐδαιμόνος) было

Завидным было счастьем (ὄλβου)

(Soph. O. T. 1198 слл.)

Как отмечалось выше, использование Софоклом понятия ευδαιμόν для обозначения счастья может свидетельствовать об отождествлении им счастья как смысла жизни с богатством и материальными благами. Подтверждением этого может служить применение автором во втором случае при обозначении счастья термина ὄλβος – фактически синонима ευδαιμόν, носящего, однако, более абстрактный характер [10, р. 79] и переводимого как счастье, успех, благословение, изобилие и т.д.

В более поздних произведениях Софокла обнаруживается некоторое изменение представлений автора о богатстве и его отношения к ним. В одном из пассажей Электры Софокл устами главной героини говорит:

... Да будет

Твой пышен стол и жизнь твоя роскошна (ρλούσια), –

А мне одна лишь пища: дух свободный.

(Soph. El. 341 слл. Пер. С. Шевринского)

Во-первых, необходимо отметить, что автор при обозначении богатства применяет термин «ρλούσιος», что само по себе говорит о снижении роли богатства в этико-ценностной системе греческого общества, так как из его смыслового поля был исключён ряд весьма важных ранее значений. Кроме того, явным для Софокла становится приоритет независимости и свободы над богатством во всех его проявлениях.

Важным для определения места богатства в структуре аксиологических установок афинского социума является фрагмент одной из последних трагедий автора – «Филоклетта»: «Друг истинный, ценнее всех богатств» (Soph. Phil. 681 слл.; далее этот мотив будет развит Еврипидом: см. Eur. Her. 1426; Or. 1157 слл.). Неоптолем отказывается обманывать Филоклетта за обещанное ему Одиссеем «богатство» – это свидетельствует о том, что для Софокла и, возможно, значительной части афинского общества богатство в последнем десятилетии V в. до н.э. перестаёт быть смыслом и целью жизни, перестаёт быть ευδαιμόν, так как ради него человек способен пойти на несправедливость (ἀδίκη) [10, р. 75] и ложь (Soph. El. 62 слл.).

Таким образом, выявлены существенные противоречия в представлениях Софокла о богатстве и его роли в обществе. Существовали объективные обстоятельства, способствовавшие этому – трагик испытывал давление растущего кризиса полисной морали к концу V в. до н.э., возможно, именно с этим связаны произошедшие преобразования в его оценке материальных ценностей. Субъективным фактором, предопределившим такое состояние дел, является неопределённость собственных социально-политических взглядов, присущая Софоклу.

Хотя Еврипид был моложе Софокла всего на двенадцать лет [7, с. 140], эта разница в возрасте оказалась в значительной степени

решающей для формирования его мировоззрения. Биографические данные о Еврипиде скудны и противоречивы. Аристофан в своей комедии «Женщины на празднике Фесмосфорий» говорит, что мать Еврипида была торговкой зеленью, позднейший же биограф Филохор отрицает это [5, с. 219]. Несомненно, что семья Еврипида не принадлежала к числу аристократических, но имела средства, и поэтому великий трагик смог получить хорошее образование: сильное влияние оказали на него Анаксагор и софисты (главным образом Протагор). Поэт не являлся, однако, сторонником какого-либо определенного философского учения, и его собственные взгляды не отличались постоянством. Это обнаруживается уже в области политических убеждений. Еврипид неоднократно прославляет афинскую демократию – строй свободы и равенства; другие формы правления, тиранию и олигархию, он осуждает.

Что же касается представлений трагика о богатстве, то цензовые слои, основывающие свое преобладание на силе денег, ему глубоко антипатичны. С другой стороны, в афинской демократии его пугает паразитическая немущая масса граждан, требовавших для себя участия в народном собрании, а порою мечтавших и о переделе имущества состоятельных слоев:

... В городе

Три класса есть: во-первых, богачи,

Для города от них нет пользы... Но опасны

И бедняки и чернь, когда своё поднимают на имущих

Отравленное жало. Лишь средний класс

Для города опора; он законам потворствует и власти.

(Eur. Supp. 238-250 Пер. И. Анненского)

Однако далее в этой же трагедии Еврипид подчёркивает, что все граждане, независимо от их имущественного положения, имеют одинаковые политические права:

... А богатство

Для нас не власть верховная – бедняк

Такой же гражданин.

(Eur. Supp. 407 слл.; ср. Васс. 902 слл. Пер. И. Анненского)

И. М. Тронский в своём труде по истории античной литературы пишет: «В критике Еврипид гораздо более силен, чем в области положительных выводов. Он вечно ищет, колеблется, путается в противоречиях. Ставя проблемы, он очень часто ограничивается тем, что сталкивает между собой противоположные точки зрения, а сам уклоняется от прямого ответа» [7, с. 142]. Данное высказывание совершенно точно, на наш взгляд, отражает представления автора об исследуемой этической категории. С одной стороны, знатность и благородство происхождения уже не обеспечивают богатства и не играют заметной роли в этической системе древних греков: «Но что она, благая кровь, коль ей богатством не венчаться? Злая бедность задушит славу имени» (Eur. El. 31; 364 слл; см. также El. 1131; Phoen. 404 слл.) – то есть мы можем говорить об окончательном разрушении

аристократического идеала; но, с другой стороны, мы видим, что богатство по-прежнему играет важную роль в жизни общества: «Для мудрого, мой мальчик, бог один – богатство, да!» (Eur. Cus. 315 слл.).

Еврипид вновь в ряде случаев обозначает богатство термином *ευδαίμων*, а значит, связывает со смыслом жизни простого афинянина:

Вся горишь ты, царица, счастьем (*ὀλβιος*)...

Вы, счастливы (*ευδαίμων*), для нас, бедных, -

Словно боги...

(Eur. I. A. 590 слл. Пер. И. Анненского; см. также Heracl. 608 слл.)

В то же время для автора становится неприемлемым достижение богатства (*ευδαίμων*) любыми средствами: «зять милей и бедный нам, да честный, вас – порочных, хоть золотых мешков...» (Eur. Andr. 640; Med. 588 слл.) – что противоречит понятию о смысле жизни (см. выше). Возможно, в период творчества Еврипида истинным термином, определяющим цель человеческой жизни, становится *ὀλβιος* – это подтверждается, в частности, тем, что в трагедиях автора данное понятие используется значительно чаще, чем в произведениях Эсхила и Софокла, и исключительно в значении «счастья» и «блаженства» (Eur. Hel. 386, 698; Нес. 484; Supp. 1, 162, 219 и т.д.).

В отличие от большинства современных ему мыслителей, Еврипид склонен к пессимизму. Вера в силы человека у него поколеблена, и жизнь иногда представляется ему капризной игрой случая, перед лицом которой возможно смирение, но никак не борьба [7, с. 142]. Именно этим, по нашему мнению, определяется отношение самого автора к богатству как ценности:

И, что оно богатство? Тень, название...

Да разве мудрый хочет быть богат?

Мы даже не владельцы наших денег,

Богам они принадлежат, богам:

Хотят – дадут, хотят – опять отнимут...

(Eur. Phoen. 549 слл. Пер. И. Анненского; см. также El. 938 слл.)

Действительно, для чего человеку стремиться к богатству, если: «В бездну судьба низвергает счастливец (*ευδαίμων*), нищего в выси блаженства возносит» (Eur. Heracl. 608 слл.).

Необходимо отметить, что ни один из авторов рассматриваемых источников не использует в качестве дефиниции богатства понятие «*ὀλβιος*», в то время как Геродот довольно часто применяет его для обозначения материальных ценностей. Такое различие, видимо, связано с консерватизмом Геродота и его труда, в то время как быстро развивающаяся трагедия вынуждена была наиболее оперативно откликаться на любые изменения в общественном сознании. Косвенно это подтверждается тем обстоятельством, что уже Фукидид практически не использует данный термин в значении «богатство».

Таким образом, лишь Эсхил предоставляет нам ясную картину представлений о богатстве в период творчества. Во многом это связано с

тем, что он являлся носителем аристократической системы ценностей, по крайней мере, в данном её аспекте. Благодаря эпистемологическому анализу изучаемой аксиологической категории было выяснено, что во времена Эсхила, а, возможно и позже, богатство служило не только признаком знатности и предпосылкой достижения почёта среди сограждан, но и смыслом жизни для многих афинян.

Куда более сложная ситуация сложилась при анализе представлений о богатстве Софокла и Еврипида. И, если Софокл демонстрирует нам эволюцию своих взглядов в течение жизни, что обусловлено давлением растущего кризиса полисной морали к концу V в. до н.э., а также неопределённостью собственных социально-политических взглядов Софокла, то Еврипид представляет противоречивые суждения в одном и том же произведении. В целом это может свидетельствовать о снятии данного вопроса с повестки дня афинского социума. В период классики богатство окончательно перестало быть монополией аристократии: «новые богачи» – метеки прочно заняли свою нишу в древнегреческом обществе. Данная проблема рассматривалась авторами в соответствии со своими субъективными воззрениями, которые, безусловно, могут изменяться в ходе жизни и творчества трагиков изучаемого периода. Таким образом, исследуемая социальная категория к периоду поздней классики теряет своё концептуальное значение в формировании системы ценностей древних афинян – значение, которое было присуще ей в архаический и раннеклассический период истории древней Греции.

Литература

1. Андреев В. Н. Структура частного богатства в Афинах V-IV вв. до н.э. / В. Н. Андреев // ВДИ. – 1981. – № 3. – С. 21 – 48.
2. Аннеткова-Шарова Г. Г., Дуров В. С. Античная литература / Г. Г. Аннеткова-Шарова, В. С. Дуров. – М., 2004.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры [текст] / А. Я. Гуревич. – М., 1984.
4. Дюкарев В. Богатство в представлениях древних греков классического периода по данным исторической традиции / В. Дюкарев // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции / Редкол.: В. А. Кузьмищев, О. А. Мазур, Т. Н. Рябченко, А. А. Шатохин: в 9 томах. Том III: История. Политология. Социология. Философия. – Невинномысск, 2009. – С. 50 – 52.
5. Лосев А. Ф. Античная литература / А. Ф. Лосев. – М., 2005.
6. Петровский Ф., Ярхо В. Комментарии / Ф. Петровский, В. Ярхо // Софокл. Трагедии / Пер. С. Шервинского. – М., 1988.
7. Тронский И. М. История античной литературы [текст] / И. М. Тронский. – М., 1988.
8. Фролов Э. Д. Прибыль и предприниматели в античной Греции / Э. Д. Фролов // Торговля и торговец в античном мире. – М., 1997. – С. 6 – 48.
9. Ярхо В. Н. Трагедия / В. Н. Ярхо. – М., 2000.

10. Adkins A. W. H. Moral values and political behaviour in Ancient Greece: from Homer to the end of the Fifth centuries. London. 1972.
11. Carter L. B. The Quiet Athenian. Oxford. 1986.
12. Dover K. J. Greek popular morality: in the time of Plato and Aristotle. Berkeley, Los Angeles. 1974.
13. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/>]. Доступ – 25.05.2009 г.

© Дюкарев В.

Апология гностического христианства как источник особого материала «Обличения всех ересей» Ипполита Римского

Егоренков Иван

Егоренков Иван. Апология гностического христианства как джерело особливому матеріалу «Викриття всіх ересей» Іполита Римського. Стаття присвячена одному з найважливіших джерел гностицизму – великому ереселогічному трактату Іполита «Викриття всіх ересей». В центрі уваги стоїть здавна відома і досі не вирішена проблема перехресних посилань між різними гностичними сектами, які складають основний зміст так званого особливого матеріалу Іполита. Автор пропонує вирішення цієї проблеми, виходячи з припущення, що джерелом особливого матеріалу Іполита був ексегетичний трактат, який був написаний невідомим апологетом гностичного христианства.

Yegorenkov Ivan. Apology of Gnostic Christianity as a source of reference material "rebuke all Heresies" Hippolytus of Rome. The article deals with one of the most important sources on the history of Gnosticism, great heresiological treatise of Hippolytus – «The exposure of all heresies». The major focus of interest is a well-known but still unsolved problem of cross-references between different Gnostic sects making up a bulk of so-called special material of Hippolytus. The author offers a solution of this problem, assuming